

УДК 94(47+57)

**РЕКОНСТРУКЦИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ ПЕРЕЖИВАНИЙ
ФИГУРАНТОВ КОНТРОЛЬНЫХ ДЕЛ. 1920-Е ГГ.
(НА МАТЕРИАЛАХ СЕВЕРОКАВКАЗСКОГО РЕГИОНА)**

Иванцов И.Г.

*ГОУ ВПО «Краснодарский Государственный институт культуры» Министерства культуры
России, Краснодар, e-mail: kguki@list.ru*

Революционные изменения 1920-х гг., потрясшие самые основы всей русской жизни, породили иную систему ценностей молодого советского общества, отличную от дореволюционной. Но изменилась ли ее эмоциональная составляющая. Изучению истории повседневности провинциального города 1920-х гг., различных аспектов его эмоциональной истории может помочь реконструкция микроистории повседневности региона. Для решения подобного рода задач важен источниковедческий анализ отложившихся в архивных хранилищах документов. Здесь замечательным источником являются документы контрольных комиссий (КК), органов внутрипартийного контроля ВКП (б). Они в своем составе имеют множество контрольных дел членов партии, как считалось, носителей новых революционных ценностей. Эти дела отражают их поведение и проступки, порицавшиеся партийным и общественным мнением раннего советского общества, неся в себе значительный пласт «эмоциональной» информации, позволяющий прояснить эмоциональный фон жизни в провинциальных городах СССР.

Ключевые слова: Контрольное дело, контрольные комиссии, новая система социальных ценностей, эмоции

**RECONSTRUCTION OF THE EMOTIONAL EXPERIENCES
OF PERSONS INVOLVED IN THE CONTROL OF AFFAIRS. 1920S.
(ON MATERIALS OF THE NORTH CAUCASIAN REGION)**

Ivantsov I.G.

*GOU VPO «Krasnodar State Institute of culture» of the Ministry of culture of Russia, Krasnodar,
e-mail: kguki@list.ru*

The revolutionary changes of the 1920s that shook the very foundations of the whole of Russian life, has created a different system of values of young Soviet society, different from pre-revolutionary. But it has its emotional component. The study of the history of everyday life of a provincial town of the 1920s, various aspects of his emotional history can help the reconstruction of the micro history of everyday life in the region. To solve such kind of problems important source analysis deposited in the archival document storage. Here is a wonderful source are the documents control Commission (CC), bodies of internal party control of the CPSU (b). They are composed of many control Affairs of the party members, were thought to be carriers of new revolutionary values. These cases reflect their behavior and misconduct, poltavshina party and public opinion in early Soviet society, carrying a significant body of emotional information to clarify the emotional background of life in the provincial cities of the USSR.

Keywords: Control case, control Commission, the new system of social values, emotions

История эмоций постепенно занимает законное место в повестке дня современной исторической науки, хотя, по мнению И.О. Дементьева *emotional turn* не стал «последним криком моды». Перспективы истории эмоций, очерченные сторонниками этого междисциплинарного подхода, предполагают большой объем работы исследователей в разных странах, и для российских ученых в этой сфере открываются разнообразные возможности, как для переосмысления отечественной истории, так и для продуктивного сравнения национального исторического опыта с опытом других стран [2].

С этой точки зрения весьма интересным является изучение советской эмоциональной повседневности, поскольку советскую повседневность нельзя понять только исходя из анализа диктуемых властью норм общежития и бытового поведения. Но поведенческая компонента плотно взаимосвя-

зана и обусловлена с эмоциональной составляющей поведения человека. Ведь зачастую в основе поведения лежит эмоциональный аффект или мотив. Меняется ли эмоциональная составляющая в условиях, когда быстро меняется общественный строй, когда от человека, считающегося опорой власти (в нашем случае коммуниста, члена ВКП (б) требуется и исполнение норм установленного властью эмоционального режима.

Революционные изменения 1920-х гг., потрясшие самые основы всей русской жизни, породили иную систему ценностей молодого советского общества, отличную от дореволюционной. Новая система ценностей предполагала и новую эмоциональную составляющую поведения члена коммунистической партии. Но формировалась ли она на основе новых, предлагаемых партией эмоциональных норм?

От коммуниста требовалось, если он попался на неблагоприятном проступке, покаяния. Причем не просто покаяния перед теми, с кем он скверно поступил, перед членами партийной организации, в которой он состоял, а перед ВКП (б) вообще и, только потом перед членами партийной организации, представлявших в данном случае саму партию.

Использование архивных документов органов внутрипартийного контроля (КК-РКИ) ВКП (б) позволяет выявить общие тенденции эмоциональной повседневности провинциального города, понять реакцию городских жителей на зафиксированные события.

Вниманию предлагается одно контрольное дело, касающееся злоупотреблений властью. Член РКП (б), И. Коген, состоявший на учете в ячейке Кубано-Черноморского совета народного хозяйства, подал заявление в Партийно-Следственную комиссию (ПСК) при Кубано-Черноморском областном комитете РКП (б). Суть состояла в следующем.

22 ноября 1920 года, штабом I района (г. Краснодар) по конфискации вещей у буржуазии, в 10 часов утра И. Коген был командирован членом областной Контрольной комиссии ВКП (б) (далее – КК), Ананьевым на склад конфискованных у буржуазии вещей. В 4 часа дня руководившие разбором и постановкой на учет вещей по разным причинам разошлись, оставив Когена за старшего. «Во время работы нами были у некоторых отобраны вещи, а некоторые арестованы (т.е. под руководством Когена у некоторых работавших на складе были отобраны вещи, которые они пытались присвоить – И.Иванцов). Затем на склад явился начальник штаба укрепленного района и одновременно заместитель начальника гарнизона г. Краснодара, тов. Батури. Он арестовал пойманного с поличным коммуниста, переменявшего свои старые ботинки на новые. Коген предложил его обыскать, на что Батури публично объявил, что он тоже арестован и отобрал у него служебное удостоверение. На вопрос – за что он арестован, Батури сказал, что он должен так поступить».

Далее Коген в своем заявлении просил назначить следствие по данному делу для выяснения его вины. «Если я виновен, наказать меня и исключить из партии как подлеца и проходимца, а если нет, то снять с меня публичное оскорбление. Я революционер с 1903 г. и в достаточной мере перенес оскорблений и унижений от самодержавия, боролся 17 лет, чтобы избавиться от такого. Мне пришлось перенести тяжелое публич-

ное оскорбление от своего же товарища по партии, что считаю недопустимым». Далее он указал, что «тов. Батури допустил двойную несправедливость: «Первый раз объявил арест без оснований, а второй раз, что арестовал и через полчаса освободил. Но если был повод к аресту, то на каком основании я был освобожден». Через две недели Батури был вызван для объяснений в Кубанскую областную ПСК [7]. К сожалению, документов о дальнейшей судьбе этого дела выявить не удалось. Коген был не просто возмущен, а обозлен поступком своего товарища по партии.

Казалось-бы, что такого случилось, ну ошибся Батури, бывает. Однако текст заявления Когена свидетельствует о сильном возмущении публичным оскорблением, кратковременным арестом. Требование же назначить расследование говорило об определенном страхе за судьбу своего честного имени.

Всем людям присущи эмоции, но последние формируются разными способами в разных обществах, приобретая социально обусловленные формы. Тогда страх может рассматриваться как лишь один из множества возможных ответов на общественный вызов, а ритуалы предстают как нечто большее, нежели механизмы обеспечения «чувства безопасности» (Розенвейн, опираясь на работы психологов, отрицает за безопасностью право считаться чувством, на чем настаивал, например, Ж. Делюмо) [3].

Следующий пример рассказывает о ряде событий, приведших к ожидаемой эмоциональной несдержанности и карьерному краху.

13 марта 1922 г. открылась IV областная партконференция Кубано-Черноморской области. В состав областной Контрольной комиссии ВКП (б) был избран, в том числе И.С. Артамонов. На V Областной Кубано-Черноморской конференции РКП (б) (4-7 декабря 1922 г.) был избран новый состав КК, в число которого вошел и И.С. Артамонов. На VII партийной конференции Кубано-Черноморской области 24 декабря 1923 г. был озвучен персональный список избранных конференцией членов КК, куда вновь был избран Артамонов. В начале мая 1924 г., в преддверии XIII съезда РКП (б) на VIII партийной конференции Кубано-Черноморской области вновь был в областную КК. В 1924 г. он же был избран кандидатом Юго-Восточной Краевой контрольной комиссии от Кубано-Черноморской области.

На I Кубанской окружной партийной конференции, 15–17 июля 1924 г., И.С. был избран уже секретарем партколлегии Ку-

банской окружной КК. II Окружная Конференция ВКП (б) проходила 18–23 ноября 1925 г., секретарем партколлегии Кубанской окружной КК вновь был избран И.С. Артамонов.

Все вышеперечисленные события имеют общим избрание на высокие партийные должности Ивана Семеновича Артамонова.

Однако этот карьерный взлет был прерван и уже в конце 1926 г. И.С. Артамонов, сохранив рядовое членство ВКП (б), трудился слесарем в ремонтных мастерских Госсельсклада в г. Спасском Владивостокского округа. Как же он попал из Краснодара на Дальний Восток? Как можно понять из контекста документа, это не был обычный перевод коммуниста с одного места работы на другое. Человек сам решил уехать и начать новую жизнь на новом месте, без влияния партийных структур.

А причиной были эмоции как самого Артамонова, так, в первую очередь и вполне традиционные эмоции его жены. Об этом свидетельствует следующий документ. Протокол № 13 заседания партколлегии Северокавказской краевой контрольной комиссии от 12.05.1927 г.:

Артамонов Иван Семенович, 46 лет, член ВКП (б) с 1907 г., партбилет № 404190, бывший рабочий, шофер-механик, кандидат Краевой КК. На момент возникновения дела был ответственным секретарем партколлегии Кубанской контрольной комиссии ВКП (б).

В июне 1926 г. Президиумом Кубанской ОКК т. Артамонову объявлен строгий выговор с предупреждением и опубликованием в печати, за некоммунистическое поведение, дискредитацию контрольной комиссии и партии в целом, выразившееся в том, что т. Артамонов после развода с женой, сошелся жить с другой женщиной, к которой переселился на квартиру. Через некоторое время возвратился на квартиру своей прежней жены, в то же время, продолжая навещать квартиру оставленной женщины. Туда, в одно из таких посещений т. Артамонова, пришла его жена и во время ссоры нанесла Артамонову удар винной бутылкой по голове, после чего Артамонов, с окровавленной головой направился на главную улицу (ул. Красная), по его словам делать заявление в милицию. Сопровождавшая его жена осыпала Артамонова грубой бранью в его адрес и адрес всех ответственных работников, чем вызвала большое скопление обывателей, нелестно отзывавшихся об ответственных партийных работников вообще и Артамонова в частности. Особую ее злость вызвало намерение мужа заявить на нее в милицию, о чем она кричала на улице.

Ссора произошла в 10 часов утра, в воскресенье. Событие стало поводом для многочисленных сплетен и пересуд в среде городских обывателей.

К сожалению, из материалов дела невозможно выяснить, подал ли Иван Семенович заявление в милицию? Видимо не успел, поскольку представители милиции вмешались в события до этого, уже на улице. Не ясно так же, откуда поступил сигнал в окружную КК ВКП (б).

В ноябре месяце 1926 г. президиум краевой КК, во изменение постановления Кубанской КК, которая объявила ему строгий выговор без опубликования в печати, объявил Артамонову Ивану Семеновичу выговор за некоммунистическое поведение. При подаче апелляции Артамонов просил учесть имеющиеся у него революционные заслуги [5].

Что было дальше, в архивных документах не отражено, но рискнем предположить. Разумеется, дело приняло скандальный оборот. Мужчина, избитый своей женой за связь с любовницей, неизбежно подвергался как минимум осмеянию со стороны соседей, сослуживцев, злорадству с их стороны, особенно учитывая его должностное положение. Ну а за намерение подать заявление на жену в милицию, скорее всего, был подвергнут и презрению (чисто бытовому) со стороны окружающих.

Исходя из сложившейся на тот момент практики, Артамонов был снят с партийной должности, видимо, подвергнут осмеянию и презрению. Затем, видимо, будучи эмоционально подавленным, сильно переживая случившееся, решил уехать из Краснодара. Рискнем сделать еще одно предположение. Видимо, Иван Семенович долго жалел о том, зачем он после избиения вообще вышел на улицу, может все сложилось бы иначе.

Несомненно, в поведении Артамонова присутствовал эмоциональный аффект. Однако интересно понять, что им двигало, когда он шел в милицию подавать заявление на свою жену. Собственно городская повседневность 1920-х гг. характеризовалась тем, что такая попытка, на бытовом уровне воспринималась соседями и сослуживцами как некий позор.

Одновременно с этим, несмотря на определенную свободу первых лет советской власти в области отношений между мужчиной и женщиной, в партии уже начинали складываться определенные требования к ним. К примеру, работница женского отдела ЦК ВКП (б) П. Виноградская утверждала, что молодое поколение революции с недоумением встретит про-

пагандируемую «свободную любовь», призывая к строгости во взаимоотношениях между мужчиной и женщиной [1]. Д.Б. Рязанов, основатель и первый руководитель Института Маркса и Энгельса, прямо говорил, что брак – это не личное дело, а акт огромного социального значения, требующий вмешательства и регулирования со стороны общества [6].

Нельзя забывать и того, что И.С. Артамонов входил в высшую партийную номенклатуру, был очень «важным лицом» в масштабах не только Кубанского округа, но и Северокавказского края. И должен был знать, или хотя бы предполагать, к каким последствиям для карьеры могут привести его любовные похождения. Что уже складывающееся по отношению к этим вопросам партийное, да и общественное мнение в первую очередь относится к нему самому. Однако факты говорят о твердом намерении решить возникшую проблему с помощью милиции, т.е. предать огласке свое поведение, за что он собственно и полатился.

Поскольку эмоции фигуранта дела явно не облечены в слова, а имели место намерения, эмоциональная подоплека. Она раскрывается, если, например, использовать книгу профессора Калифорнийского университета в Ирвайне, Даниэля Гросса «Секретная история эмоций». По его мнению, здесь дело в «нравном распределении» чувств между классами и социальными группами в разные периоды истории. Гросс считает, что дело здесь не в индивидуальных человеческих переживаниях и ценностях, но в господствующих в данном обществе представлениях о правах одних (и отсутствии таких прав у других) членов общества обладать теми или иными эмоциями [10].

Несколько следующих примеров некоторым образом подтверждают выводы Д. Гросса.

Ильенко А.И., завхоз крайисполкома Северокавказского края состоял в РКП (б) с 1919 года. В 1921 году был исключен из партии Донпроверкомом за хищение спирта без права повторного вступления. В 1925 году он пытался восстановиться с зачетом стажа с 1919 года. И хотя спирт был похищен не с целью перепродажи, а для «личного пользования», как утверждалось в материалах контрольного дела, это было определенным клеймом. Ильенко в восстановлении с зачетом партийного стажа с 1919 г. было отказано, но было предложено вступить в партию вновь на общих основаниях. Как следует из материалов дела, Ильенко испытывал чувство

сильной досады и даже обиды, что его не восстановили в партии с зачетом партийного стажа, поскольку «спирт был использован для нужд коллектива», как он сам это объяснял, на что, как он считал, он имел право. Для каких именно нужд, в деле пояснений нет [8].

Два коммуниста, оба работники железной дороги, Ясинский С.А. и Казимиров Ф.И. за хищение (мелкое) мануфактуры из вагонов, которые они сопровождали, Таганрогской КК-РКИ были из партии исключены в 1925 году. Партколлегия краевой КК это решение Таганрогской КК-РКИ в январе 1926 года подтвердила. Оба фигуранта в своих объяснениях говорили, что «взяли всего несколько аршин на штаны», утверждая, что «за такую мелочь несправедливо такое наказание» [9].

Жизнь у Ясинского и Казимирова, как и у большинства рядовых коммунистов 1920-х гг. была нелегкой, а зарплата низкой. Легальной возможности прилично зарабатывать у них фактически не было, что собственно и толкало их на противоправные действия. Но ведь и они знали, что партия ВКП (б) декларировала свое полное неприятие воровства, мошенничества и т.д., требуя этого от всех своих членов на деле. Замеченные в подобном наказывались вплоть до уголовной ответственности и безжалостно изгонялись из коммунистической партии.

Что могли испытывать фигуранты этого контрольного дела? А испытывали они по большей части злость, что попались на такой мелочи, которая послужила причиной исключения из партии. В свою очередь исключение из партии, как правило, вело и к увольнению с работы, иногда лишению жилья. Ведь они искренне считали, что имеют право на несколько метров ткани в качестве своеобразной компенсации за бедную жизнь, изматывающую работу и т.д.

«История эмоций, как показывает современная историография, далеко не является полем консенсуса адептов *emotional turn*. Налицо разнообразие подходов к пониманию эмоций в прошлом: «навигация эмоций» У. Редди, «эмоциология» П. Стернза и концепция «эмоционального сообщества» Б. Розенвейн образуют различные перспективы исследований. Однако, как показал Я. Плампер в интервью с вышеназванными учеными, сторонники этого направления в историографии едины в тезисе о том, что история эмоций должна стать не отдельной областью исследований, а постоянным элементом религиозной, социальной, политической и других историй. «Идеальная»

история, – рассуждает Б. Розенвейн, – будет не историей эмоций, но, скорее, интеграцией истории эмоций в «регулярную» историю» [4].

И, конечно же, такая интеграция истории эмоций в «регулярную» историю только обогатит подходы к ней, увеличив методы и приемы ее познания.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-01-00239 «Чувства под контролем: повседневность провинциального города 1920-1930-х годов в ракурсе культурной истории эмоций».

Список литературы

1. Виноградская П. Крылатый Эрос товарищ Коллонтай // Каким должен быть коммунист: Старая и новая мораль: Сб. 2-е изд. М.; Л, 1925. – С. 144.
2. Дементьев И.О. «Последний крик моды»: Достижения и перспективы истории эмоций в новейшей западной историографии. // Историческая психология государственного управления / под ред. А.А. Конопленко. Саратов: ЦПЭИ СНЦ РАН; Буква, 2014. Вып. 1. – 184 с. – С. 116.
3. Там же... С. 114.
4. Там же... С. 115–116.
5. Иванцов И.Г. Асоциальные проявления в раннесоветской городской повседневности // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1; URL: www.science-education.ru/121-18190 (дата обращения: 09.08.2015).
6. Рязанов Д. Маркс и Энгельс о браке и семье // Летописи марксизма. 1927. Вып. III. С.46.
7. ЦДНИКК (Центр документации новейшей истории Краснодарского края). Ф.7. Оп.1. Д.5. Л.7-8.
8. ЦДНИКК. Ф.10. Оп.1. Д.91. Л.4.
9. ЦДНИКК. Ф.10. Оп.1. Д.91. Л.9.
10. Gross D.M. THE SECRET HISTORY OF EMOTION: From Aristotle's Rhetoric to Modern Brain Science. Chicago: University of Chicago Press, 2006. X, 194 p. P. 4.